

Уральский вызов

Есть ли у области ай-кью?

Выносливость местных жителей можно объяснить особенностями развития Урала, промышленную славу которого ковали, с одной стороны, энергичные и безжалостные заводладельцы, а с другой – десятки тысяч привыкших к лишениям крепостных рабочих. Несгибаемость и упрямство можно связать с непокорным нравом находивших здесь убежище гонимых жителей империи – прежде всего, старообрядцев. Но чем объяснить то, что, казалось бы, консервативный, привыкший к долготерпению регион не раз и не два в своей истории (особенно новейшей) предвосхищал развитие всей страны?

...17 марта 1991 года Свердловск единственным из городов-миллионников проголосовал на референдуме против сохранения СССР. Если в Свердловской области в целом за Союз всё же высказалась почти половина голосовавших (что тоже было сенсацией, ибо по стране «да» сказали 76 процентов), то в столице Среднего Урала СССР потерял полное фиаско – 34 процента. Почему же опорный край державы проголосовал против этой самой державы?

Несокрушимую мощь СССР создавали находящиеся здесь в огромном количестве КБ, НИИ, высокотехнологичные оборонные производства. Но интеллектуальные отрасли экономики немислимы без приводящих их в движение интеллектуальных кадров. Согласитесь: довольно сложно представить думающих людей, размышляющих лишь над совершенствованием технологических процессов, но равнодушных к перспективам процессов общественных.

К весне 1991 года судьба Советского Союза стала совершенно очевидной. На неё вряд ли могло повлиять обусловленное ностальгическими мотивами (вполне, кстати, понятными) народное волеизъявление. Область, ай-кью которой зашкаливал (и продолжает зашкаливать сейчас), просто обязана была своим голосованием констатировать неизбежное. А ещё уральцы очень чётко уловили подмену: спрашивали-то их о сохранении Советского Союза, но подражали сохранению прежней системы, которая неслала экономическую несвободу, очереди, пустые прилавки. Средний Урал и его столица не любят, когда их пытаются ввести в заблуждение.

Без полутонов

30 октября 1993 года «Областная газета» опубликовала конституцию Уральской Республики. На следующий день этот документ вступил в действие. А 3 ноября на страницах нашего издания увидели свет первый указ губернатора Уральской Республики и положение о выборах в республиканское Законодательное собрание. Я очень хорошо помню, как 10 ноября, придя на работу (редакция располагалась тогда на самом верхнем этаже нынешнего Дома правительства), услышал от коллег: областной Совет указом президента разогнан, его решения отменены, а губернатор, похоже, будет снят – говорят, у него отключены телефоны. В тот же день Борис Ельцин освободил Эдуарда Росселя от обязанности главы администрации Свердловской области.

В ситуации – как в капле воды все особенности уральской политики. Во-первых, в свердловском Белом доме не побоялись воплотить в жизнь то, на что в других уголках России осмелиться не могли. Во-вторых, господствующий политический тренд (а он заключался в суверенизации всего и вся, расширении полномочий местных властей и в 1993 году ещё не выдохся) здесь оказался доведённым до наибольшей степени рельефности. Уральский вызов, как обычно, не допускал никаких полутонов в ответе на него: федеральные структуры могли либо согласиться с про-

Леонид Брежнев (кстати, он родился сегодня) начинал свою работу на Урале землемером, а закончил – заместителем начальника окружного земельного управления. Покинув Свердловск в 1930 году при загадочных обстоятельствах, он никогда более не возвращался в город своей юности. Есть веские основания полагать, что столица Урала вызвала у генерального секретаря ЦК КПСС исключительно негативные воспоминания. Тем не менее когда Борис Ельцин поставил перед Леонидом Ильичом вопрос о строительстве метро в Свердловске, тот дал добро

изошедшим, либо категорически этому воспрепятствовать.

Казалось бы, смелость уральцев наказана. Но! Спустя считанные дни был опубликован проект новой российской Конституции, в котором утверждалось равноправие всех субъектов федерации (и республик, и областей). В 1994 году был принят Устав Свердловской области, во многом повторявший конституцию Уральской Республики и ставший правовым эталоном. А в августе 1995-го Эдуард Россель в результате чрезвычайной острой борьбы стал первым в России всенародно избранным губернатором.

Средний Урал в очередной раз обозначил путь, по которому предстояло двинуться другим российским регионам.

«Могу поступаться принципами!»

Надо ли говорить, что появление представителя «опорного края» во главе российского государства в один из самых сложных моментов его истории никакой случайностью не было? И стоит ли обращать внимание на то, что случайными также не были параметры личности этого человека, большая часть жизни которого прошла на Урале?

Ворвавшийся в советскую политику в 80-е годы, Борис Ельцин, безусловно, являл собой тип революционного лидера: резкий, бесстрашный, бескомпромиссный, способный брать на себя колоссальную ответственность, идти на громадный риск, не сгибаться под ударами судьбы. Но он также прекрасно чувствовал требования момента, не боялся меняться и отказываться от своих собственных стереотипов. Он, подобно доктору, улавливал малейшие ко-

лебания политической конъюнктуры.

Стремительную эволюцию Ельцина свердловчане могли наблюдать во время его визитов на родину в конце 80-х годов.

...22 февраля 1989 года. Разгар кампании по выборам народных депутатов СССР. Только что ставший кандидатом от Москвы Борис Ельцин прилетает в Свердловск, чтобы поблагодарить уральские трудовые коллективы, выдвинувшие его кандидатуру, но недумываясь заявить: политически правильно баллотироваться всё же не в Свердловске, а в столице – по национально-территориальному округу № 1. Встреча земляка-интервью опального политика, в котором опять-таки упоминается Ленин – правда, со спорным утверждением, что он вполне допускал многопартийность, просто жизнь внесла коррективы.

...1 февраля 1990 года. В свой 59-й день рождения Ельцин во Дворце молодежи встречается со свердловскими избирателями (в российский парламент Борис Николаевич баллотировался именно от столицы Урала и набрал здесь 84 процента голосов). И – никаких слов в поддержку перестройки, никаких дифирамбов Ленину. В конце встречи люди ринулись на сцену, где взяли Ельцина в плотное кольцо. Один из активистов какой-то неформальной коммунистической группировки громко спросил:

– Борис Николаевич, вы ничего не сказали о социализме. Что вы сделаете для его сохранения?

Хорошо помню, как Ельцин развернулся лицом к этому человеку:

– Социализм или ещё какой-то строй – не важно. Главное, чтобы люди жили хорошо. Вот ради этого надо работать. А уж как всё это будет называться...

Между двумя встречами – менее года. Что заставило бывшего кандидата в члены Политбюро за столь короткий срок отказаться от казавшихся незыблемыми идеологических постулатов? Первый съезд народных депутатов СССР, на котором о построенной в СССР системе было сказано, как жет-се, всё? Поездка в Америку, где Борису Николаевичу просто показали типичный супермаркет? Непрекращающийся в его отношении прессинг со стороны партийных органов и партийной печати?

Наверное, бросить вызов Горбачёву было для Ельцина проще, чем вот так, раз и навсегда, похоронить впитанные с юности принципы – то, что казалось правильным и передовым, то, чему он верой и правдой служил столько лет. Наверное, он понимал, что после этого посыплются обвинения в предательстве. Но как настоящий революционный лидер должен был следовать только одному принципу: требованиям самой жизни.

Брежнев и Ельцин: в чём сходятся противоположности?

Борис Ельцин – не единственный лидер страны, биография которого связана с нашим краем. В конце 20-х годов многие километры по уральским полям прошёл землемер Леонид Брежнев, а в 1930 году его, начинающего советского функционера, перевели из Бисерти на довольно высокую должность в Свердловск.

Что должны были почувствовать два этих совершенно разных человека, когда обсуждали перспективы строи-

тельства метро в Свердловске (сцена описана в книге Бориса Ельцина «Исповедь на заданную тему»? Ясно, что партийному руководителю Свердловской области было не до размышлений об уральских страницах биографии своего кремлёвского патрона. Ясно, что перед ним стояла прагматичная задача – «пробить вопрос». А Брежнев? Какие мысли мелькали в его сознании, когда перед ним сидел этот упрямый, угловатый, амбициозный человек с Урала и довольно бесцеремонно надиктовывал ему резолюцию: «Ознакомить Политбюро, подготовить проект постановления Политбюро о строительстве метро в Свердловске». А потом ещё и требовательно попросил пригласить помощника: «Дайте ему поручение, чтобы он, во-первых, зарегистрировал документ, а во-вторых, официально оформил ваше поручение...».

Брежнев, быть может, действительно слабо понимал суть стоящих перед страной проблем. Но, вопреки тому, что о нём принято писать и говорить, он совсем не был бесталанным политиком, оказывался способен вести длительные политические партии, изошённо добивался своих целей, а в случае необходимости умел говорить «нет» и ставить на место конкурентов. И главное – прекрасно чувствовал людей. Он, скорее всего, точно отсканировал психологические пружины и потенциал этого, на первый взгляд, излишне прямолинейного уральского самородка.

Крест на свердловской карьере Брежнева, по-видимому, поставила коллективизация, от ужасов (и кровавых конфликтов) которой он впоследствии скрылся на родной Украине. Но, кроме всего прочего, Урал оказался просто не его регионом: не соответствующим его характеру, энергетике, устремлениям.

Для Ельцина же уральская земля была именно его местом: трудному региону вполне соответствовал человек с упрямым характером.

Описывая позднего Брежнева, Борис Николаевич обра-

Система сдержек и противовесов «Россель – Чернецкий» просуществовала почти пятнадцать лет. В эти годы кризис в экономике Среднего Урала сменился периодом бурного роста, а Екатеринбург пережил один из самых мощных скачков в своей истории

На Среднем Урале найдётся совсем немного предприятий, которые бы не посетил первый секретарь обкома КПСС Борис Ельцин. На снимке: руководитель области знакомится с продукцией Тапичной фабрики валяной обуви

В 1995 году Эдуард Россель пожелали видеть своим губернатором 60 процентов голосовавших, а Аркадия Чернецкого мэром – 70 процентов. В 1999-м Россель получил 64 процента, а Чернецкий – 56. Спустя ещё четыре года Эдуард Эргартович набрал 56 процентов голосов, а Аркадий Михайлович – 54 процента.

Разумеется, не стоит отрицать наличие у каждого из политиков какого-то числа стойких приверженцев. Разумеется, находилось немало таких, кто никогда и ни при каких обстоятельствах не проголосовал бы за другого.

Но значительное большинство уральских избирателей, наслушавшись речей двух политических антагонистов, в августе (или сентябре) подержало одного из них, а в декабре – другого.

Благодаря голосам уральцев банальная ситуация двух медведей в одной берлоге приобрела совсем иное звучание. Это не истеблимент, а мы – народ – выстроили систему сдержек и противовесов. И она, представьте себе, не забуксовала, не провалилась!

Когда два выдающихся представителя уральской политической элиты (а в особенности их штабы) не ждали друг для друга неслетных слов, нам, как ни парадоксально, жилось спокойно: мы знали, что за действиями каждой властной группировки пристально следят из противоположного лагеря и ни один серьёзный прокол наших избранников не останется без внимания.

Быть может, в деятельности Росселя наиболее полно проявился талант неординарного политического лидера, а в работе Чернецкого – недюжинные способности хозяйственного руководителя. Но в главном они очень похожи: масштаб этих двух личностей оказался удивительно соразмерен масштабу региона и его столицы.

Всегда ли тренд – френд?

Политическая жизнь Среднего Урала последних двух десятилетий никогда не была скучной. Достаточно вспомнить предвыборную гонку 1995-го, когда за власть в регионе бились политические тяжеловесы – Россель, Страхов, Трушников, Кадочников. Или политический сюрприз 1999-го, когда во второй тур губернаторских выборов вышел совсем не Чернецкий, а Бурков. Или тогдашний же схватку за кресло мэра уральской столицы, когда против Аркадия Чернецкого резидентия выставила целую обойму довольно сильных кандидатов. Но мне хочется особо выделить уральские политические баталии 2003 года.

Итак... Россель уже давно руководит областью, а Чернецкий городом. Оба они устали от перманентного политического напряжения, а избиратели – от них самих. Казалось бы, политтехнологам будет непросто найти новые акценты в привычных образах и свежее, незатасканное слово для электората.

Между тем в стране уже дуют другие ветры. Последовательно и безуспешно отстраивается вертикаль власти. Суть политических процессов начала двухтысячных можно выразить одним словосочетанием – консолидация элиты. С таким трудом нащупавшая «конусенсу» власть никак не может продемонстрировать раздраз в своих рядах.

Что же происходит в 2003-м на Среднем Урале? Сначала – довольно острая губернаторская кампания с уже привычным для нашего региона вторым туром. Затем – беспрецедентные по накалу борьбы выборы мэра Екатеринбурга, когда Аркадию Чернецкому противостоял подержанный всей мощью резиденции Юрий Осинцев. Взрыв страстей в уральской столице не просто напомнил конец 80-х, не просто контрастировал с тишиной российского политического ландшафта. Порой казалось, что Средний Урал и вся страна движется в прямо противоположных направлениях.

...Трейдеры прекрасно знают, как важно правильно уловить формирующийся на финансовых рынках тренд. Для понимающего логику рыночных колебаний игрока доминирующие тенденции являются лучшим другом (знаменитое правило биржевых торговцев: «Trend is your friend»). Очень спокойно и надёжно покупать финансовые инструменты у нижней границы обозначившегося коридора и продавать у верхней.

Играть против тренда – рискованное занятие. Играть и при этом выигрывать – высший пилотаж. Когда против понятного всем политического тренда начинает играть целый регион (или город) и добивается своего – это говорит о характере населяющих его людей.

Сколько слов было сказано о том, что противостояние областной и городской власти наносит всем непоправимый урон. Но именно в начале двухтысячных облик Екатеринбурга менялся так, как никогда прежде: именно тогда появились Храм-на-Крови и ДИВС, эффектные кварталы высотных домов в центре города, бесчисленные торговые центры, а по вводу жилья столица Урала обошла другие города-миллионники. Система сдержек и противовесов оказалась действенным способом заставить их задуматься о НАС.

Регион-лидер, регион-локомотив, регион-флагман, регион-компас, регион-раздражитель, регион-экспериментатор, регион-бунтарь может позволить себе быть не как все. Когда страна просто «легла на тренд», захватывающие политические баталии на Среднем Урале напомнили всем о возможности альтернативных путей развития.

Идти наперекор и... выигрывать

Дать России первого президента. Добиться первых в стране всенародных выборов губернатора. Построить самый большой в Советском Союзе завод. Отгрохать самый северный в мире небоскреб. Проложить один из самых сложных в мире по геологическим условиям метрополитен...

Когда Брежнев и Ельцин в Кремле обсуждали перспективы свердловской подзетки, они, конечно, и вообразить не могли, что сооружение первой линии потребует тридцати лет. На пути строителей оказались не только скальные породы, но и сложности эпохи реформ, которая совсем не благоволила затратным проектам. Но – почти без помощи центра – Среднему Уралу это удалось по силам.

Идея проведения в Екатеринбурге выставки ЭКСПО – из того же ряда. Вызовом являлась сама мысль о возможности принять в провинциальном российском городе (пусть даже очень крупном) мероприятия мирового уровня, когда свои услуги предложили Дубай и Сан-Паулу. Вызовом звучала сама тема уральской заявки: «Глобальный разум: будущее глобализации и её влияние на наш мир» (и это в то время, когда мир сотрясает демонстрация антиглобалистов, а само понятие «глобализация» вызывает отторжение у немалой части мировой интеллектуальной элиты).

Уральцам не привыкать действовать наперекор и... выигрывать. Увы: на сей раз мы проиграли. Но об амбициях когда-то закрытого для иностранцев региона узнали во всём мире. И когда-нибудь, будем надеяться, мир проглотит под нас.

Разумеется, в истории Урала были не только Акинфий Демидов и Василий Татищев, не только генерал Владимир Глинка, 20 лет служивший главным начальником, и губернатор Эдуард Россель, два десятилетия руководивший Свердловской областью. Другие, разумеется, тоже что-то делали на своих высоких постах. Но почему-то о большинстве из них сегодня могут вспомнить разве что специалисты-историки.